

НАЙРОБИ неповторим. Он обвораживает, красив, практичен, сентиментален, а иногда безобразен. В его пестрой уличной толпе можно встретить женщин в изящных индийских сари и девушек-пакистанок в ярко-оранжевых шароварах, европейцев, американцев.

В многочисленных рекламных брошюрах, рассчитанных на туристов, кенийская столица представляется ультрасовременным, процветающим городом с прекрасными отелями «в пяти минутах езды» от заповедного парка, где представлен богатейший животный мир Восточной Африки. Это действительно так. Здесь снимался фильм «Рожденная свободной». Я видел вечером в жилых кварталах Найроби случайно забредшего сюда трубочку — этакую помесь свиньи и кенгуру — и сбитого автомашиной дикого кабана. Однажды крупная гиена чуть не стала причиной автомобильной катастрофы. В местных газетах часто попадаются сообщения о том, как львица зашла во двор средней школы и спала там до утра, как в пригороде носорог ранил женщину. Заповедник Найроби вообще уникален. Кения заинтересована в притоке иностранной валюты, и туристов здесь ждет отличный сервис.

Но жизнь города с его 400-тысячным населением на самом деле гораздо сложнее, контрастнее и интереснее, чем рассказывается в брошюрках. Я встречал взрослых африканцев, которые ни разу не были в за-

ны походят скорее на благоустроенный дачный поселок, чем на город. А скопище глинобитных лачуг в некоторых африканских кварталах, грязь и нищета, дети, исковерканные полиомиелитом, производят самое тяжелое впечатление.

В Найроби есть свой «Буллонский лес». Это западная часть пригорода Нгонг. Здесь можно встретить белолицых амазонок. Многие держат собственных лошадей. Если нет, можно взять в клубе напрокат — двадцать шиллингов в час. А поденщик-африканец зарабатывает четыре шиллинга в день.

Я спросил шестилетнего англичанина Грегори — сына служащего корпорации «Ист-Африкан Рейлвейз»:

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

Мальш, не задумываясь, ответил:

— Хочу быть мистером Грегори и иметь «Хамбер».

У папы Грегори только «Фиат». На «Хамберах» разъезжают министры. А рабочие-африканцы в Найроби ходят пешком, в лучшем случае — ездят на велосипедах.

87 МИЛЯМИ ЮЖНЕЕ ЭКВАТОРА

Аэропорт Эмбакаси. Чистенькое, буквально вылизанное до блеска здание, отделанное с завидным изяществом. На стенах холла висят шкуры редких животных, скрещенные копыя и овальный кожаный щит воина-кочевника из племени масаи с

ке. Американец нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Обернувшись и увидев мое лицо, он осклабился и подмигнул: «Белая страна в Африке!» — и расхохотался, довольный.

Видимо, турист. Он сегодня же купит лицензию на отстрел антилоп и умчится куда-нибудь на охоту, — как здесь говорят, в сафари.

Индиец в форме таможенника в белоснежной чалме, с преувеличенно серьезной миной на бородатом лице, обращаясь к американцу, спрашивает, нет ли у него с собой оружия. Получив отрицательный ответ, он пристально смотрит на американца и ставит мелом крестики на его чемоданах.

За стеклянной стеной таможенного зала виден внутренний дворик: декоративно разбросанные камни и кактусы, похожие на знаменитую палицу Богдана Хмельницкого. Ими, должно быть, очень удобно отмахиваться от назойливых львов, которых здесь, по рассказам, тьма-тьмущая.

Выйдя из здания аэропорта, я нетерпеливо оглядываю незнакомый пейзаж. Города пока не видно. Кругом ровные лужайки с опрятно подстриженной травой. Поодаль стоят огромные баки американской нефтяной компании «Эссо». Их серебристые пуза лоснятся на солнце. Судя по всему, компании здесь живет неплохо.

Асфальт еще сырой от прошедшего ночью дождя. В небе стоят клочья разорванных облаков. Здесь, на высоте более по-

МНОГОЛИКИЙ НАЙРОБИ

В. САВЕЛЬЕВ

поведнике. У них другие заботы.

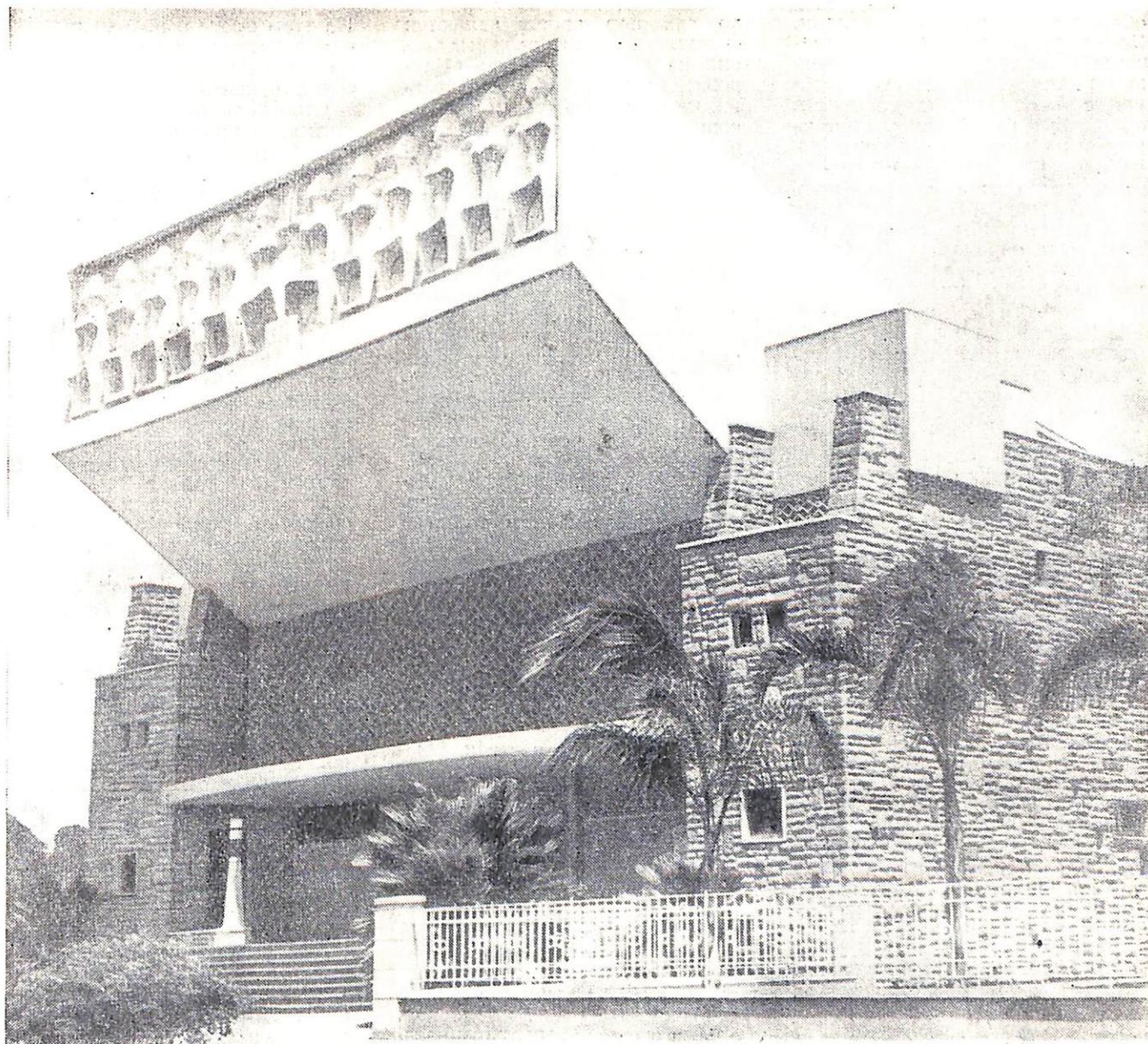
Найроби, безусловно, один из самых современных городов в Африке. Об этом свидетельствуют изящество и вместе с тем простота архитектуры его деловой части, университетский колледж, театры, консерватория, телевидение и многое другое. Одновременно Найроби глубоко провинциален. Его жилые райо-

на традиционным узором. Щит и копыя, стекло и металл — сочетание примитивизма и современности. Во всем этом есть что-то кокетливое, игрушечное. Щит, кстати, расписан синтетическими красками.

В зале таможни выстроилась небольшая очередь. Я встал за рослым американцем, остриженным почти наголо, в стандартном костюме и голубой рубаш-

луктора километров над уровнем моря, небо, кажется, совсем рядом, можно почти потрогать рукой. Несмотря на близость экватора, нет ничего такого, что напоминало бы тропики. Утро прохладное — градусов 12—15 по Цельсию.

По дороге в город слева от шоссе тянется колючая проволока. За ней без конца и края равнинное плато с густой высо-

Здание кенийского парламента

Фото ТАСС

кой травой, зарослями колючего кустарника и группами раскидистых акаций. Это территория знаменитого заповедника, границы которого вплотную подходят к южной окраине Найроби. Низко плывут облака. Где-то там, среди саванны, наверное, рычат львы и жирафы степенно раскачивают свои удивительные шеи, скачут зебры, газели и антилопы-гну. Мелькает

предупреждающий знак: «Осторожно, крупные животные!».

Но с дороги пока их не видно. К тому же постоянно отвлекают несущиеся навстречу автомобили. Дело в том, что в Кении движение левостороннее, с непривычки кажется, будто бы встречный транспорт мчится прямо на тебя. Еще раз с сожалением смотрю в сторону заповедника и думаю о том, что

нужно обязательно выбраться туда в первый же свободный день.

СОЛНЕЧНАЯ ОРАНЖЕРЕЯ

«Добро пожаловать в Найроби — солнечный город!» — встречает вас придорожный щит у въезда в столицу Кении. И первое, что бросается в глаза, это

обилие света, воздуха и зелени. По сторонам автострады, обсаженной аккуратно подстриженными деревьями, тянутся газоны с красными, лиловыми и оранжевыми цветами, соединяющиеся в сплошные ковровые дорожки. Большие яркие знаки предупреждают о приближении перекрестков, в центре которых разбиты клумбы, похожие на дворик в аэропорту. Здесь те же кактусы, а рядом с ними крупные алоэ, цветущие огненно-оранжевой вертикальной «щеточкой», лунное дерево с большими печально-белыми опрокинутыми «граммофонами» цветов; олеандры и кусты юкки с целым букетом белых колокольчиков на стреле. Дорога стремительно бежит мимо ползучих кустов бугенвиллен, сплошь лиловых деревьев джакаранды и пламенно-красных, нереально огромных, диковинной формы цветов, висящих среди широких и сочных листьев дерева, которое здесь так и называется — «пламенное».

Среди этого ошеломляющего праздника красок сначала просто не видно города. Но это уже и есть одна из улиц Найроби — Ухуру-хайвей, что в переводе наполовину с суахили, наполовину с английского означает «проспект Свободы». До независимости проспект носил имя принцессы Елизаветы, нынешней английской королевы. Между прочим, многие растения, как и прежде имя проспекта, были завезены сюда из-за границы — из Бразилии, из Австралии или других мест.

Что же здесь было раньше, до того как возник город?

«СТЕПЬ ДА СТЕПЬ КРУГОМ...»

Такой предстала эта местность глазам первых английских колонизаторов в конце прошлого века: широкая, бескрайняя масайская степь, которая теперь сохранилась в естественном виде на территории Найробийского заповедника.

От порта Момбаса, штаб-квартиры английской колониальной администрации на побережье Индийского океана, в глубь почти совсем не исследованной страны, в направлении озера Виктория, строилась железная дорога. Мне попадались старинные гравюры с изображением диких львов, пожирающих первых строительных рабочих. Но не львы или слоны (последние

до сих пор иногда являются причиной железнодорожных аварий на линии Момбаса — Найроби), не тропическая лихорадка, не эпидемии чумы были основным препятствием на пути колонизаторов в глубь Восточной Африки. Главным было решительное, отчаянное сопротивление местных африканских племен.

Что же занесло европейцев в эти края? На сей счет существуют разные мнения. Американец Ирвинг Каплан в своем «Справочнике по Кении» (1967 год), например, утверждает, будто бы англичане пришли сюда с гуманитарной миссией — спасти африканцев от работорговцев. Эта версия выглядит анекдотично.

Толчком к английской колонизации Кении послужила германская экспансия в соседней Танганьике и события тех лет в Южной Африке, ярко описанные Марком Твенем в книге «По экватору».

«В хижине одного бура, — рассказывает писатель, — путешественник-иностранец заметил, что ребенок играет каким-то блестящим предметом; ему сказали, что это кусок стекла и что он был подобран в степи. Иностранец купил стекляшку за бесценок и увез с собой: будущи человеком бесчестным, он убедил другого иностранца, что это алмаз, и, продав за 125 долларов, был так доволен собой, словно совершил какое-то хорошее дело. В Париже «обманутый» иностранец получил за этот камешек 10 тысяч долларов от владельца судной кассы, который продал его некоей графине за 90 тысяч долларов, а та, в свою очередь, перепродала его пивовару за 800 тысяч долларов; пивовар получил от короля за камень герцогство и ротословную...»

В те времена в Южной Африке был найден голубой алмаз «Эксельснор» весом в 971,75 карата (около 200 граммов!). Алмазно-золотая лихорадка будоражила умы, и многие решили попытаться счастья в неизвестной доселе Восточной Африке. Среди первых колонизаторов Кении около 30 процентов составляли белые переселенцы из Южной Африки.

30 мая 1899 года строительство железной дороги уперлось в непроходимое болото, которое кишело москитами. На языке масаев оно называлось «найроби», то есть «холодная вода».

На этом месте и возник небольшой палаточный городок, который поначалу использовался как склад, перевалочный пункт.

Строительство железной дороги закончилось в 1903 году и обошлось в 5317 тысяч фунтов стерлингов. В Кении алмазов не обнаруживали. Железная дорога приносила убытки. И тогда район нагорья, где расположился Найроби, с его вечнотропическим климатом и плодородными землями был объявлен подходящим местом для белых поселенцев — сеттлеров. Началась массовая колонизация. В 1907 году из «первопрестольной» Момбасы колониальная штаб-квартира переезжает в бывший палаточный городок, которому в будущем суждено было стать столицей Кении.

Любопытно, что до сих пор среди старожилов Найроби находятся люди, которые не теряют надежды обнаружить россыпи драгоценных камней. Шестидесятилетний сеттлер Вудрафф, профессиональный охотник, исколесил всю Кению вдоль и поперек на своем стареньком «лендровере». Он рассказывал мне, что знает «такое место».

— Там, — говорил Вудрафф, куда-то неопределенно указывая своей татуированной рукой, — есть аметисты, нужны только деньги. Я обращался в компании, но они ни черта не понимают и не хотят понять. Может вы, сэр, возьметесь за это дело?

«БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ И ЧЕРНЫЙ»

Центр Найроби — это «пятаячок», который можно обойти пешком за 15 минут. Весь Найроби, раскинувшийся на площади в 266 квадратных миль, не проедешь на машине и за полчаса. Со всех сторон к центру примыкают европейские, азиатские и африканские кварталы. Об этом я узнал в частной конторе по найму и обмену жилой площади, принадлежащей мистеру Джамало.

Хозяин конторы, уже немолодой, полный индеец с крупными чертами лица, чрезвычайно расторопный и разговорчивый — каким и должен быть человек, до тонкостей постигший ремесло брокера, — при виде клиента рассыпался в любезностях:

— Итак, вы ищете квартиру? Забудьте о них, сэр! Это вам не Европа. В Найроби нужно

Снимок одной из центральных улиц Найроби — Харамбее-авеню — сделан с 70-метровой башни парламента.

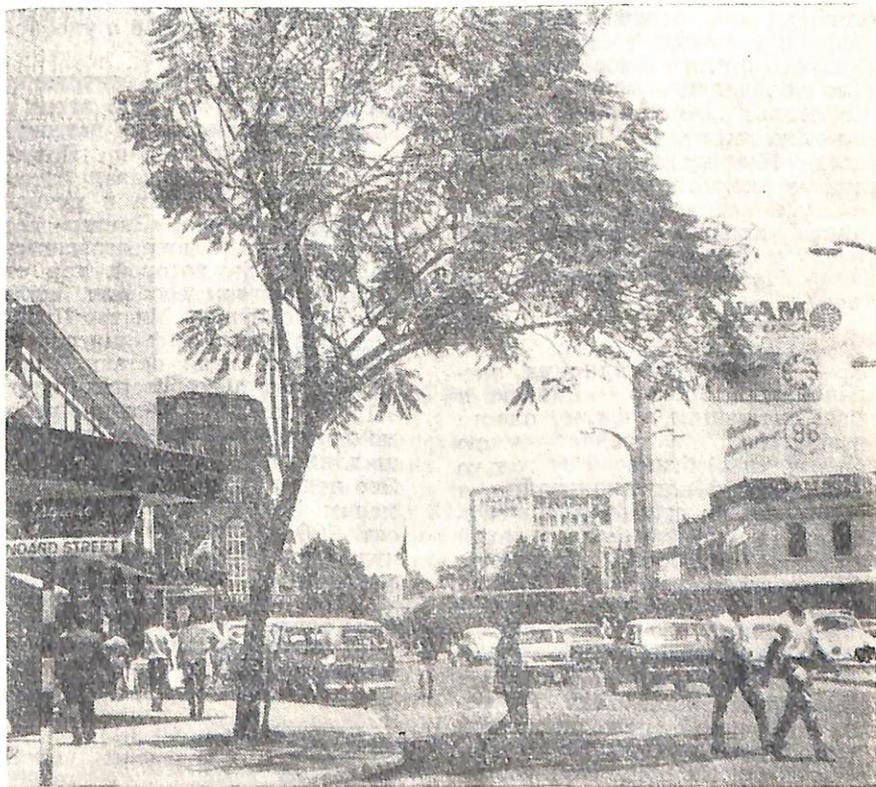
Фото ТАСС

Восточноафриканский университет стал в последние годы одним из самых крупных учебных заведений континента.

Центр города застроен зданиями различных архитектурных стилей.

жить в отдельном доме — так удобнее и даже дешевле. Я подберу вам то, что нужно. Положитесь на Джамалю, меня знает весь город, и я знаю всех. — Он многозначительно улыбнулся. — Аренда в пределах какой суммы? Сколько спален должно быть в доме — две, три, четыре? Какой срок аренды? Район?

Джамаль подвел меня к большому, подробному плану Найроби:

— Покажите, где вы хотели бы жить — здесь, тут или там?

— А почему бы не здесь? — наугад спросил я, показывая то место на плане, которое он почему-то не предлагал.

Джамаль поперхнулся. Его блестящие карие глаза чуть не вылезли из орбит:

— Вы знаете, что это такое, сэр? Это же африканские кварталы! Совсем недавно они были за колючей проволокой. Нет, это просто невозможно! А вон там — азиатские кварталы, они вам тоже не подойдут... — Он на секунду задумался. — Знаете что, внизу стоит моя колымага, поедem, я вам лучше на месте покажу, что сейчас есть под рукой.

Джамаль достал большую связку ключей, и мы двинулись в путь.

— Видите вон тот домик? — спросил он, отрывая руку от руля и указывая в сторону громадного отеля «Амбассадор». — Его владелец — мой хороший приятель, миллионер. — Джамаль доверительно понизил голос. — И представьте себе, раньше, в колониальные времена, он, как «азиат», не имел даже права входить в собственный отель с парадного входа!

— Ну и как он сейчас, доволен?

— О да!

— А вы?

— Очень! — воскликнул экспансивный брокер. — Раньше я был служащим в фирме одного англичанина, а сейчас имею собственный бизнес. Вот только бы не было национализации, а то... — Он не стал договаривать фразу, в этом не было никакой нужды. — Но пока, слава богу, дела идут потихоньку. «Моджа памоджа», как говорят здесь, — жить можно.

Мы пересекли Ухуру-хайвей и оказались в так называемых европейских кварталах Найроби. Повеяло свежескошенной травой, дымком, чем-то провинциальным. На обширной территории, которую вполне можно

было бы назвать лесопарковой зоной, каждый на своем собственном участке приютились аккуратные особняки. За колючим стриженным кустарником изгороди торчали трубы каминов. В этой части города почти нет тротуаров: здесь ездят на машинах. По вечерам зажигаются желтые, как в Англии, уличные фонари. Нет и намека, что когда-то здесь было болото. Туманы бывают очень редко.

Показав два-три старых, заброшенных дома и, по-видимому, уяснив себе, что такие сдать не удастся, Джамаль повез меня к мистеру Прайсу.

У входа нас встретил безмолвный слуга-африканец и провел в дом. Посреди просторного холла в мягком кресле сидел англичанин средних лет в шортах и зебровых шлепанцах на босу ногу. Рядом с ним на сияющем паркете красного дерева лежала косматая комнатная собачка. Мистер Прайс отложил в сторону газету «Ист-Африкан стандарт» и вежливо разрешил осмотреть дом.

Одна из стен холла — сплошь стеклянная, раздвижная перегородка — выходила в сад. Другая была отделана нарочито грубым серым камнем, в ней был большой камин. Из холла двери вели еще в три комнаты, обставленные дорогой и удобной мебелью.

Мистеру Прайсу откровенно не нравилась «вся эта затея с независимостью», и он навсегда уезжал — кажется, в Новую Зеландию. Он продавал оптом все, кроме собачки и ручной швейной машинки «Зингер» под деревянным потрескавшимся колпаком, на которой, как он с достоинством сообщил, шила еще его бабушка. Мистер Прайс оказался большим филантропом. Он просил меня оставить при доме двух его старых слуг. «Преданы, как собаки», рекомендовал он, — стоят по 120 шиллингов в месяц каждый. Это недорого по нынешним временам. За хорошего щенка просят 500 шиллингов. А им куда деваться — в городе безработица».

Я спросил Прайса, зачем ему двое слуг.

— Что? — удивился он. — А как же иначе? Один «хаус-бой», другой — «шамба-бой»¹. Один

убирает дом, другой следит за садом. Здесь все так живут. У иных еще нянька и повар. Это, если хотите, даже поощряется местным правительством как средство борьбы с безработицей. — И он саркастически ухмыльнулся.

Мистер Прайс признался: уезжая, было бы приятно сознавать, что в доме будет жить европеец. Ему было ровным счетом наплевать на то, что я приехал из Советского Союза, главное — белый.

— А то лезут сейчас сюда все, кому не лень. Даже разбогатевшие черномазые норовят попасть в дома белых. Вот оно к чему все привело!

Он не стеснялся в выражениях и посматривал на Джамалю с откровенной неприязнью — «азиат», к тому же еще и спекулянт... Как оказалось, Джамаль давно уже хотел купить дом Прайса, чтобы потом сдавать его в аренду, но они никак не могли сговориться насчет цены.

Когда тон их диалога стал возвышаться, я решил оставить их тет-а-тет и, раздвинув стеклянную стену, вышел в сад. Через несколько минут Джамаль выскочил возбужденный:

— Поедем, я покажу вам кое-что получше. Это разве дом?! Вы обратили внимание, что на стеклах холла нет ни одной решетки. В таком доме жить опасно. Оборуют до нитки, да еще треснут пангой² по голове! — Его карие глаза выкатились снова.

— В хорошем доме должны быть двойные решетки: стальные прутья с палец толщиной — это от взломщиков — и еще мелкая металлическая сетка от «удильщиков». Не слышали про «удильщиков»? Ходят с палками, и крючок на конце. Могут выудить через окно все что угодно. Сколько случаев каждый день! О, вы еще не знаете Найроби! Слышали, Прайс говорил о безработице?!

Я понял, что Джамаль опять не сумел договориться. Из общения с ним я сделал два вывода: если хочешь лучше узнать незнакомый город — найми брокера: если тебе нужна квартира — ищи сам.

¹ Хаус-бой — домашний слуга, шамба — на языке суахили — участок возле дома.

² Панга — длинный нож с широким лезвием для сельскохозяйственных работ.

НА КЕНИАТТА-АВЕНЮ

Нижний этаж центра Найроби почти целиком состоит из стекла. Это витрины многочисленных магазинов, автомобилейных салонов, кафе и ресторанов, где можно с одинаковым успехом заказать острое индийское карри, суп из акульих плавников, из ласточкина гнезда или любое блюдо европейской кухни. Над стеклянным Найроби тянется широкий навес, соединяющий несколько зданий квартала воедино. Это удобно и в дождь, и в полуденный зной. Особенно для туристов. Многие магазины торгуют сувенирами: продаются тамтамы из кожи питона, пельяницы из слоновой ноги, макасины из слоновьего уха, шкуры львов и леопардов, когти хищников на цепочке — амулеты. В одном магазине я видел чучело — шея и голова жирафа, в длинных ресницах безмятежно детские, прямо живые глаза. Это удовольствие высотой метра в два с половиной стоило 22 тысячи шиллингов — цена комфортабельного легкового автомобиля. Среди сувениров больше всего изделий из шкуры зебры: тапочки, пуфы, дамские сумочки и даже пудреницы.

С балкона гостиницы «Нью-Авеню» с интересом наблюдаешь за тем, как с муравьиной деловитостью разъезжаются автомобили на перекрестке улиц Кениатты и Коинанге.

Кениатта-авеню — центральная улица Найроби. Раньше она носила имя Деламера — личности весьма примечательной. Некоронованный король английских сэттлеров, лорд Деламер-старший создал в Кении свою «мини-империю» в 120 тысяч акров в плодороднейшем районе Рифт-Вэлли. С его именем в Найроби связано многое. В отеле «Норфолк» есть «пивная Деламера», которую показывают как одну из достопримечательностей города. Говорят, здесь «в старые добрые времена» лорд любил выпить от скуки и вел себя, как купец: бил окна апельсинами, а потом катался по городу в бричке, запряженной людьми. Бричка эта счит до сих пор у входа в «Норфолк».

На одном конце авеню раньше возвышался памятник Деламеру, сбитый после независимости. На другом — целый квартал нежно-розовых многоэтажных домов, называемых «квартирами Деламера». Они сдава-

лись и сдаются в наем. Деламер-младший, получивший «империю» по наследству, после независимости принял кенийское гражданство. Этот лицемерный акт был обставлен с большой помпой, о нем много писали в местных газетах.

Напротив «квартир Деламера» построен роскошный отель «Пан-Африк». Его хозяин — грек. Говорят, миллионер. Видимо, так оно и есть — один отель стоит больше миллиона. Грек любит рассказывать о своей дружбе с президентом Кипра, архиепископом Макариосом, и в подтверждение показывает письмо от Макариоса, написанное красными чернилами.

У хозяина вообще тяга к знаменитостям всякого рода. Однажды я видел, как в баре отеля он ухаживал за женой Деламера-младшего, густо накрашенной, тощей и аскетической старухой, которую сопровождал министр сельского хозяйства Кении англичанин Маккензи. Раньше Маккензи служил не то полковником, не то подполковником в военно-воздушных силах ЮАР. Он пришел в бар в одной рубашке, высокий, осанистый, с усами скобкой.

Мы сидели с известным кенийским политическим и общественным деятелем Дж. Кариуки, автором книги «Узник мау-мау». Здороваясь с Кариуки, Маккензи похлопал его по плечу и заговорил о скачках. Для него Кариуки — прежде всего бизнесмен, член жокейского клуба.

«ХАКУНА КАЗИ»

Таблички с такой надписью висят у дверей многих учреждений Найроби. Хакуна кази — работы нет. Таблички на языке

суахили. Их пишут для африканцев. На бирже труда я видел постоянные очереди. Город не может предоставить работу всем, кто в ней нуждается. А деревня с ее полунатуральным хозяйством гонит все новых и новых парней в город. Правительство Кении выдвинуло лозунг: «Назад, к земле». Однако таблички «Хакуна кази» все еще маячат на дверях, предупреждая: даже не заходи, нам не о чем с тобой разговаривать. Тем, кому они адресованы, Найроби, видимо, не кажется солнечным городом.

В наши дни, когда страницы прессы все чаще заполняются сообщениями о том, что на города мира с развитой промышленностью ежегодно обрушиваются тысячи тонн копоти, грязи и всяких ядовитых веществ и газов, что они безумно быстро растут, оставляя все меньше места для лесов и полей, сливаются, образуя огромные комплексы-уроды, Найроби с его зеленью и близостью к животному миру на первый взгляд покажется туристу идеальным городом. Несколько небольших предприятий, склады и ремонтные мастерские, составляющие всю его промышленность, выделены здесь в особую «резервацию», так называемый индустриальный район.

Но когдамотришь на поток велосипедистов, на переполненные африканцами автобусы, идущие в пыльные «черные» кварталы с лачугами и бараками, где люди по вечерам греются у жаровен с углем, то невольно думаешь о том, что Найроби построен их руками, живет их трудом и должен существовать прежде всего для них.

НОВЫЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ

Правительство Кении опубликовало новый план развития страны на 1970—1974 годы. Согласно этому плану, рост национального дохода должен возрасти на 6,7 процента в год; средний доход семьи — с 270 кенийских фунтов в 1967 году до 345 кенийских фунтов в 1974 году. Бюджет развития составит 180 миллионов кенийских фунтов.

В области здравоохранения цель правительства — обеспечить бесплатное медицинское обслуживание (больничное и внебольничное) для всех граждан. В настоящее время бесплатной медицинской помощью пользуются только дети. На средства общественных фондов в стране строятся больницы и диспансеры. В Кении имеется школа и колледж по подготовке медицинских сестер. Планируется создать амбулаторию в каждой деревне; один врач должен приходиться на каждые 10 тысяч человек.

За последние пять лет в Кении построены новые начальные школы. В начальных школах учится 1200 тысяч человек (70 процентов всех детей). К 1974 году число их должно возрасти до двух миллионов.

ЕРЕД освобожденными государствами Африки стоит нелегкая, но важная задача: развить производство, обеспечивать народу более высокий уровень жизни. Всем известно между тем, что экономический и социальный прогресс в значительной степени зависит от подготовки квалифицированных специалистов. Любоз, даже самой маленькой, африканской стране нужны многие сотни учителей, врачей, агрономов, инженеров, механиков. В африканских странах таких специалистов мало. Полагаться же на иностранные кадры в большой мере не приходится: их услуги обходятся дорого; иностранцы приезжают, как правило, на ограниченный срок. В довершение всего опора

агитируя африканцев отправляться на учебу именно в Соединенные Штаты Америки, а не куда-либо. Специальные передачи на ту же тему организует радиостанция «Голос Америки». Сманиванием молодых африканцев занимаются и американские информационные центры в независимых африканских странах.

Казалось бы, что тут плохого? Молодой африканец приобрел на средства своей страны (ведь образование в Соединенных Штатах, как известно, платное) специальность, пополнил ряды образованных людей, в которых так нуждаются развивающиеся государства. И вот, вернувшись на родину, он, не жалея сил, отработывает свой долг, стараясь с лихвой вернуть отчизне затраченные

ныне угрожающие размеры. По свидетельству американской «Газетт энд дейли», из Того, например, в США выехало больше дипломированных специалистов, чем их прибыло сюда, в Того, из всех стран Запада.

Из Либерии в США и Канаду переехало на постоянное жительство больше инженеров и врачей, чем прибыло их оттуда после завершения образования. То же самое относится, как указывает американская пресса, к Гане и целому ряду других африканских государств.

Не случайно американский журнал «Форин афферс» признал, что между подготовкой США кадров для развивающихся стран и выкачиванием оттуда специалистов существует определенный разрыв. Говоря простым языком, янки осуществляют прямое ограбление африканских народов, крадут лучшие творческие силы Африки. Деятельность «ловцов человеческих душ» облегчается и тем обстоятельством, что многие страны Африки не могут предоставить работу не только выпускникам технических училищ и вузов, но даже бывшим школьникам. Так, в 1967 году, по данным газеты «Вашингтон пост», из 168 тысяч выпускников Кении оплачиваемую работу нашло только пять процентов.

Известно, что подготовка специалиста в университете обходится в среднем в 20 тысяч долларов. Окончив университеты, в США остаются тысячи африканцев. Следовательно, африканские государства безвозвратно теряют десятки миллионов долларов, накопленных трудом африканских крестьян и рабочих.

Но потери африканских государств — это не только деньги. С собственными национальными кадрами связаны надежды развивающихся стран на прогресс, на лучшее будущее. Новая форма колониального грабежа, кража умов, сводит на нет всю так называемую помощь Запада африканским странам, отбрасывает Африку к тем временам, когда банды работорговцев опустошали континент, вывозя за океан десятки тысяч рабочих рук.

Ныне, разумеется, внешне все обстоит вполне благопристойно. Африканцы отправляются за океан вроде бы по своей воле. Но суть осталась прежней. Варварская охота заокеанских «джентльменов удачи» за африканскими рабочими руками сменилась утонченным грабежом интеллектуальных сил Африки.

ОХОТА ЗА ГОЛОВАМИ

Ю. ЮРЬЕВ

на иностранцев увеличивает зависимость Африки от заграницы.

Каков же выход? Конечно, подготовка своих специалистов. Но поскольку в африканских странах нет еще достаточного числа университетов, колледжей и специальных учебных заведений, то готовить кадры многим развивающимся странам приходится пока главным образом в развитых государствах Европы и в США. Между тем именно здесь заложен камень преткновения, ибо возвращение молодых специалистов на родину превращается в немалую проблему.

Спекулируя на тяге африканцев к знаниям, «ловцы умов» открывают двери своих колледжей и университетов одаренной молодежи «черного континента». Более того, представители американских высших учебных заведений выезжают даже в страны Африки,

средства, оправдать возлагавшиеся на него надежды. Увы, не тут-то было! Как заявил президент Африкано-американского института Нильсен на конференции по проблемам подготовки специалистов, проводившейся в Гарвардском университете, более половины африканских студентов остаются в Соединенных Штатах.

Нильсен прямо указал при этом, что «определенные круги» в США принимают особые меры, чтобы за несколько лет учебы «привязать» африканцев к новому месту, потому что оплата их труда, как и специалистов-негров, обходится в два-три раза дешевле. Ослепленные блеском золотого тельца, из Африки за океан уезжают даже те специалисты, которые, получив образование за границей, вернулись на родину. В итоге «утечка умов» из африканских стран на Запад при-